

УДК 303.09+74.01/.09

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА В ТЕОРИИ ДИЗАЙНАХ. С. ГАФАРОВ¹⁾¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявляются философские основания семантического поворота в теории дизайна, связанные с аппликацией и адаптацией к данной теории достижений в области философии языка, конструктивистской, экологической, диалогической философии и символического интеракционизма. Философия языка подвергает критике универалистские концепты промышленного дизайна, основанного на новоевропейской науке, и направляет внимание дизайнера на дискурс о формах, материалах и функциях. Радикальный конструктивизм дает дизайнеру возможность понять, что артефакты существуют по внешним причинам, но концептуализируются и конструируются самим человеком. Экологическая философия предлагает дизайнеру иной путь к человекоцентрированности, делая акцент на заданности свойств артефактов человеческим восприятием. Возможности взаимодействия с артефактами определяются теми значениями, которые вырабатываются пользователями, а не свойствами самих артефактов. Символический интеракционизм делает акцент на социальной природе значения: артефакты вплетены в историю и связаны с использованием языка. Диалогическая философия ориентирует новую теорию дизайна на рассмотрение артефактов как конструируемых в процессе диалога, эксплицирует значимость диалоговых процессов для преодоления изоляции дизайнера в постиндустриальном обществе.

Ключевые слова: философия языка; конструктивистская философия; экологическая философия; символический интеракционизм; диалогическая философия.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS
OF THE SEMANTIC TURN IN THE DESIGN THEORYH. S. GAFAROV^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper reveals the philosophical foundations of the semantic turn in design theory. The semantic turn occurred due to the application and adaptation to the design theory the achievements of the philosophy of language, constructivist philosophy, ecological philosophy, symbolic interactionism and dialogic philosophy. The philosophy of language criticises the universalist concepts of industrial design, which is based on new European science. It directs the designer's attention to a discourse about forms, materials and functions. Radical constructivism gives the designer the opportunity to understand that the existence of artifacts has external causes, but the artifacts are conceptualised and constructed by the person himself. Ecological philosophy offers the designer a different way to human-centeredness. It emphasises that the properties of artifacts are determined by human perception. The ability to interact with artifacts is formed by the meanings that are generated by users, and not by the properties of the artifacts themselves. Symbolic interactionism emphasises

Образец цитирования:

Гафаров ХС. Философские основания семантического поворота в теории дизайна. *Человек в социокультурном измерении*. 2022;2:77–85.

For citation:

Gafarov HS. Philosophical foundations of the semantic turn in the design theory. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2022;2:77–85. Russian.

Автор:

Хасан Сабирович Гафаров – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры коммуникативного дизайна факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Hassan S. Gafarov, doctor of science (philosophy), docent; professor at the department of communicative design, faculty of social and cultural communications.
hassangafarov@gmail.com

the social nature of meaning – artifacts are woven into the history and linked to the use of language. Dialogic philosophy focuses the new design theory on the consideration of artifacts as phenomena that are constructed in the process of dialogue. It explicates the importance of dialogue processes for overcoming the designer's isolation in a post-industrial society.

Keywords: philosophy of language; constructivist philosophy; ecological philosophy; symbolic interactionism; dialogic philosophy.

Введение

Профессор кибернетики, языка и культуры Школы коммуникации Анненберг Университета Пенсильвании К. Криппендорф в своей программной работе «Семантический поворот. Новое основание дизайна» провозгласил начало семантического поворота в дизайне [1]. Однако, как отметил известный британский теоретик дизайна Б. Арчер в предисловии к этой книге, речь в ней идет не о повороте, а о сдвиге парадигмы, поскольку К. Криппендорф осуществлял радикальный разрыв с предыдущей традицией дизайна. Он обосновывал новую теорию дизайна и призывал дизайнеров осознать необходимость перехода от стандартов индустриального дизайна к требованиям дизайна постиндустриальной эпохи. Акцент в восприятии дизайна смещается с проблемы функционирования артефактов на проблему воздействия артефактов на потребителя. Семантический поворот фиксирует различие технической (нерелевантной по отношению к потребителю) работы артефактов и человекоориентированного взаимодействия с ними, определенного социально, культурно и индивидуально. Деятельность дизайнеров, ориентированных на человека, должна заключаться в разработке гуманных интерфейсов, которые осмысленны, просты в использовании, приятны для восприятия.

Как отмечал К. Криппендорф, важное значение для его концепции имели философские размышления ряда авторов европейской интеллектуальной традиции от истоков до современности. Их идеи способствовали становлению новой теории дизайна. Анализу этих идей К. Криппендорф посвятил три фрагмента, которые занимают значимое место в общей архитектонике его работы – раздел «Лингвистический поворот в философии», параграф «Предшественники» и небольшой фрагмент, посвященный философии диалога (*dialogic conceptions*) в его критике когнитивной науки.

Рассуждения К. Криппендорфа о философских основаниях его концепции являются чрезвычайно важными для понимания оснований семантического поворота, кроме того, они имеют дидактическое и пропедевтическое значение для теории современного дизайна, поскольку способствуют осмыслению ее трансформаций. Эти рассуждения формируют канон литературы, знакомство с которым является определяющим для философского осмысления семантического поворота.

Философские направления, которые рассматривал К. Криппендорф, можно систематизировать следующим образом: философия языка, конструктивистская философия, экологическая философия, символический интеракционизм, диалогическая философия. Он не описывал и не анализировал подробно каждую линию философского обоснования, но отмечал наиболее важные для становления его теории семантического поворота произведения.

Такой подход автора обуславливает применение к анализу его текста специфического, изначально не философского, а скорее филологического метода исследования – так называемой имманентной тексту интерпретации (*die werkimmanente Interpretation, Text-immanent interpretation* или *Werkimmanenz, text-intrinsic approaches*), суть которой заключается в том, что любой текст рассматривается в качестве самостоятельного произведения, не зависящего от его автора, исторического контекста и даже читателя. В случаях, когда важно проследить, какое влияние оказал некий концепт на последующее развитие дискурса, автор настоящей статьи выходит за рамки имманентной интерпретации и обращается к методологическому принципу истории воздействий (*Wirkungsgeschichte, history of influence*), который был заимствован Г.-Г. Гадамером из литературоведения и введен в его книге «Истина и метод» в качестве фундаментальной категории философской герменевтики [2, S. 305–392].

Философия языка

В работе «Семантический поворот. Новое основание дизайна» особый акцент К. Криппендорф делал на лингвофилософском основании своей концепции [1, p. 20–24]. Это объясняется тем, что философия языка послужила методологической базой для его дальнейших построений. К. Криппендорф отмечал, что обращение западной философии к феномену языка, то, что принято называть лингвистическим поворотом в философии, и возникновение философского постмодернизма, которое он отграничивал от постмодернизма в архитектуре и от деятельности Мемфисской группы дизайнеров (*Memphis*

*Group*¹), систематически разрушают гносеологические основы новоевропейской концепции науки, на базе которой возникли модерная технология и промышленный дизайн.

С появлением технологических феноменов, расширяющих, моделирующих и заменяющих способности, которые считались уникальными для человека (вычислительная техника, информационные системы, новые медиа и виртуальная реальность), и с формированием академических дисциплин, теоретически осмысляющих эти инновации (кибернетика, когнитивные науки и исследования искусственного интеллекта), возникает новый образ человека, становящийся вызовом для дизайнера, на который последний вынужден реагировать. Самая важная часть этого нового образа связана с использованием языка, дискурса и диалога.

Язык – это культурный артефакт, позволяющий людям координировать свои концепции, участвовать в совместных действиях, конструировать и реконструировать реальность. При использовании языка речь, действие и восприятие неразрывно связываются с конструктивным пониманием. Язык является основным источником научных концепций. На нем говорят и пишут. «Люди – это существа, которые посредством языка претворяют друг друга в бытие»² [1, р. 20]. Реальность и язык – это рекурсивно переплетенные артефакты, а не факты, которые подлежат научному открытию. Они являются результатом того, что люди говорят и делают. Создание такого рода артефактов в полной мере относится к деятельности дизайнеров.

Большую роль в осмыслении роли языка, новом понимании реальности и места человека в ней сыграла антология «Лингвистический поворот: современные очерки философского метода» [3], которая вышла в 1970 г. под редакцией известного американского философа Р. М. Рорти. Благодаря этой работе понятие «лингвистический поворот» вошло в научный обиход.

Другая важная книга, на которую указывал К. Криппендорф, – это работа К. Лафон «Лингвистический поворот в герменевтической философии» [4]. Монография посвящена истокам языкового поворота в немецкой философии, восходящего к работам таких немецких философов XVIII и XIX вв., как И. Г. Гаман, И. Г. Гердер и В. Гумбольдт. В XX в. эти идеи развивали М. Хайдеггер и Г.-Г. Гадамер, которые, в свою очередь, оказали влияние на К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса. Эта традиция сосредоточивается на раскрывающем мир измерении языка, подчеркивая его коммуникативную, а не познавательную функцию.

К. Криппендорф подвергал критике западную философскую традицию (начиная с Античности) и подчеркивал следующее: несмотря на то что греки осознавали диалогический характер истины, для них, в частности для Платона, язык служил своего рода контейнером для передачи логических суждений, связанных не с физической реальностью, а с миром идей. Новоевропейские философы, предлагавшие свои решения онтологических проблем, также не смогли выйти за пределы метафизики. Они либо ставили человеческий разум в центр собственного теоретизирования, как Р. Декарт, либо обращались к некому чистому разуму, как И. Кант, либо превращали научное наблюдение в его основу, как Б. Рассел.

К. Криппендорф позитивно оценивал революционную философию К. Маркса, в частности его знаменитый одиннадцатый тезис о Л. А. Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [5, S. 21]. Он подчеркивал, что К. Маркс является важным для дизайна философом, поскольку в его высказывании отражена вся суть дизайна. Однако Марксова теория общества была детерминированной, неприменимой к его автору как к привилегированному наблюдателю и не могла объяснить, каким образом его собственное письмо, дискурс сформировали мир, который он описал, поскольку в итоге марксизм не смог создать обещанную (обетованную) реальность.

Самым важным философом для К. Криппендорфа являлся не К. Маркс (философ XIX в.), а Л. Витгенштейн (философ XX в.), указавший на тщетность попыток избежать всепроникающей ткани языка в поисках истины, лежащей за его пределами. Л. Витгенштейн стал рассматривать язык как интерактивную практику людей, вовлекающих друг друга в специфические формы жизни.

Интересен тот факт, что Л. Витгенштейн определенную часть своей жизни (во время так называемого второго периода его творческой биографии) занимался архитектурой и дизайном и его подход к языку, возможно, отражает это. Когда Л. Витгенштейн преподавал в Кембриджском университете (в третий период деятельности), он написал знаменитый труд «Философские исследования» [6], где представил теорию значения, сделавшую большую часть его прежних философских построений, включая ранние работы первого периода, бессмысленными. Он предположил, что значение слов и высказываний не

¹*Memphis Group* (1980–1987) – группа итальянских дизайнеров и архитекторов, основанная Э. Соттсассом, которая проектировала постмодернистскую мебель, освещение, ткани, ковры, керамику, предметы из стекла и металла.

²Здесь и далее перевод наш. – Х. Г.

в том, что они представляют, а в том, как они применяются. Использование проявляется в функционировании высказываний в так называемых языковых играх³, разговорах, диалогах и дискурсах. Работа Л. Витгенштейна положила начало лингвистическому повороту в философии как повороту от решения абстрактных философских проблем (логика реальности, истина и природа ума) к исследованиям того, что люди делают, говоря на языке (включая само создание подобных абстракций).

Л. Витгенштейн выявил то, что сейчас кажется совершенно очевидным: на языке всегда говорят реальные люди в существующих социальных ситуациях в сочетании с их действиями и при наличии подлинных артефактов. Он отказался от своего прежнего философского подхода в пользу исследований того, как язык фактически используется в социально скоординированных практиках, языковых играх. Применение языка, утверждал Л. Витгенштейн, является человеческой деятельностью, и его эффективное значение следует искать в той активности, которую он осуществляет. Значение слова заключается в его применении в языке. Язык не представляет – он порождает нечто, и критерием его применимости является не истина, а уместность. Это делает язык достоверным в определенных обстоятельствах и превращает его, по мнению участников языковой игры, в значимое для них явление. Концепция дискурса, которую развивал К. Криппендорф, опиралась на идею языковых игр Л. Витгенштейна.

Кроме концепции Л. Витгенштейна, значимыми для К. Криппендорфа оказались взгляды американского лингвиста и антрополога Б. Л. Уорфа. Он указывал на связь между языком, восприятием и действием [7]. По К. Криппендорфу, анализ этой взаимосвязи является важным вкладом Б. Л. Уорфа в концепцию человекоориентированного дизайна.

Б. Л. Уорф предположил, что язык, используемый для описания ситуации, задает рамки индивидуального восприятия. Гипотеза Б. Л. Уорфа и его учителя Э. Сепира заключалась в том, что словарь и грамматика языка во многом связаны с тем, как носители этого языка думают о мире и действуют в нем. Так, грамматические конструкции словосочетаний, состоящих из прилагательных и существительных, характерные для стандартных европейских языков, задают восприятие объектов как того, что обладает свойствами; лингвистическое противопоставление мужчины и женщины не оставляет других вариантов восприятия пола и препятствует видимости трансвеститов или андрогинов и т. д.

К. Криппендорф не был согласен с общеизвестной позитивистской критикой гипотезы Сепира – Уорфа, отмечая вслед за ними, что язык, мышление и культура (включая использование артефактов) развиваются в тесной взаимосвязи друг с другом, а человеческое восприятие – это не отображение объектов в среде, свободной от культуры, в абстрактных понятиях. Представления о мире во многом связаны с тем, как говорят о нем.

Работа Л. Витгенштейна (поздний период) с ее идеей о переплетении языка и действия породила теорию речевых актов, которая стала ключом к пониманию интерактивности. Слова творят вещи, создают артефакты и меняют миры, как утверждали основатель теории речевых актов Дж. Остин [8] и кодификатор его философии Дж. Р. Сёрль [9; 10].

Философы эпохи постмодернизма, в частности Р. М. Рорти, говорили, что лингвистический поворот в философии завершает долгую историю поисков философами окончательных истин, метанарративов, целостных мировоззрений и усилий по созданию единой вселенной (*uni-verse*), при конструировании которой либо не учитывается наличие наблюдателей, либо этим наблюдателям приписывается некое богоподобие [11]. Метафора «траектория искусственности», предложенная К. Криппендорфом, напротив, показывает движение от производства функциональных механизмов к конструктивному использованию языка – дискурсу. В ходе развития этой траектории причинно-следственные модели универсума заменяются лингвистическими моделями того, как возникают и поддерживаются мультиверсумы (*multi-verses*) [1, p. 5–13].

При рассмотрении исторических корней дизайна как явления первой промышленной революции, неудивительным становится тот факт, что дизайнерский тезаурус полон универсалистских концептов. Универсализм лежит в основе многих как бы само собой разумеющихся понятий, таких как материя, форма, гештальт, цвет, красота, вес, функция. Все эти концепты индустриальной эпохи имеют целью описать якобы объективные, независимые от наблюдателя, его культуры и языка свойства объектов. Как таковые эти концепты являются результатом небрежного использования языка, позволяющего вводить декартовы понятия и онтологические утверждения. Данная классическая онтология описывает мир, который как бы существует без наблюдателей. Объективистская эпистемология, т. е. классическая эпистемология в качестве науки о знании, изучает то, как человеческий разум понимает или репрезентирует устройство мира.

³Технический термин современной философии «языковые игры» утвердился в философском дискурсе после Л. Витгенштейна. Под языковой игрой (*Sprachspiel, language game*) обычно понимают языковое высказывание, возникающее в рамках конкретной ситуации употребления.

Преобразование диалогическим образом полученных представлений о специфических для человека явлениях в онтологические положения посредством картезианской категоризации реальности лежит в основе многих общих требований объективных фактов. Материя, форма, гештальт, цвет, красота, вес, функция и особенно значение – это результаты человеческого восприятия, а не природные качества объектов. Попытка объективировать данные человекоцентричные концепты является фундаментальной эпистемологической ошибкой. Лингвистический поворот сопротивляется таким объективациям. Это попытка найти известные миры в диалогах или языковых играх, в которых они возникают, включая абстрактные физические теории и философские проблемы физики.

В рамках семантического поворота особое внимание обращается на роль языка в использовании технологий. Именно применение языка отличает формы, материалы, функции и проблемы и направляет внимание дизайнеров на то, что они должны с ними делать. Может показаться очевидным, что артефакты не существуют без их создателей, но без языка у человека не было бы способности воспринимать чужое понимание. Лингвистический поворот в философии создает адекватные возможности постижения использования языка, что позволяет избегать лингвистических ловушек.

Помимо философии языка, К. Криппендорф указывал на две исторически обусловленные и значимые для него теории, возникшие в XVIII в. Одна из них восходит к итальянскому мыслителю Дж. Вико (традиция конструктивизма), вторая – к немецкому мыслителю И. В. Гёте (традиция экологической философии).

Конструктивистская философия

Второй блок философских концепций, с которыми работал К. Криппендорф, – это эпистемологический подход, а именно радикальный конструктивизм. Вслед за представителями радикального конструктивизма он возводил эту традицию к древнегреческому софисту Протагору, который первым сказал, что «человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» [12, р. 37]. Протагор – это своего рода патрон, покровитель традиции, но патриархом радикального конструктивизма как традиции, к которой присоединялся и К. Криппендорф, считается именно Дж. Вико, проложивший оригинальный путь к человекоцентрированному восприятию мира [1, р. 39–75] своей книгой «Основания новой науки об общей природе наций» [13].

Дж. Вико оспорил убеждение Р. Декарта о том, что разум – это орган, функция которого состоит в том, чтобы как можно правильнее представлять мир, существующий вне его. Р. Декарт, к которому восходит модерное различие между объективным и субъективным, считал, что природа совершенна, но вопрошающий разум допускает ошибки при картографировании мира. Его эпистемологическая позиция соответствовала технологически ориентированному взгляду. Дж. Вико, в отличие от Р. Декарта, развил понимание того, что человеческое знание является результатом действия, создания вещей, сотворения мира, в котором он живет.

Такое утверждение имеет непосредственное отношение к дизайну. Это отношение подразумевается в данном высказывании. К. Криппендорф полагал возможным интерпретировать труд Дж. Вико «Новая наука» как обоснование ориентированной на человека эпистемологии, основанной на проектной деятельности, а не на беспристрастном наблюдении. Одним из убедительных доказательств этого принципа является абсолютная достоверность математики, которую Дж. Вико определил как человеческое изобретение, а не отражение природы.

В новейшее время У. Р. Матурана и Ф. Х. Варела обратили сильную версию человекоцентризма в основание своей теоретической биологии. Они утверждали, что никакая теория (ни теория мира (онтология), ни теория человеческого восприятия (феноменализм), ни собственно теоретическая биология) не должна противоречить тому, на что способно человеческое тело. Человеческое познание У. Р. Матурана и Ф. Х. Варела характеризовали как оперативно замкнутую систему, развивающую собственные внутренние корреляции (строящую собственные миры) и сохраняющую способность жить перед лицом повторяющихся возмущений от не познаваемого иным образом внешнего мира [14]. Подразумевается, что существование артефактов (например, цвет, форма и т. д.) может иметь внешние причины. Но концептуализируются и конструируются артефакты самим человеком без видимых соответствий тому, что могло бы существовать без человека-наблюдателя.

Выходом из декартовой дилеммы объективизма и субъективизма является конструктивистская эпистемология, предложенная Э. Глазерсфельдом. Эта версия эпистемологии изучает, как члены сообщества приходят к пониманию. Основанием такой эпистемологии является не онтология, а жизнеспособность, т. е. способность знающих успешно реализовать свое понимание. Конструктивизм и дизайнерская деятельность тождественны в том, на что они направлены, хотя их практики применяются к различным эмпирическим областям [15].

Радикальный конструктивизм – это теория познания, обеспечивающая прагматический подход к вопросам реальности, истины, языка и человеческого понимания. Он трансформирует многие идеи философии как таковой и, следовательно, оказывает сильное влияние на общее отношение к миру, в котором живут люди. Осознавая активную роль мыслителя в построении понятий, конструктивисты показывают, что в итоге именно люди ответственны за то, что они думают и делают. Радикальный конструктивизм демонстрирует, что важнейшей задачей мыслителя является не передача готовых знаний, а обучение искусству их построения.

Экологическая философия

Другой путь к человекоцентрированности начинается с естественно-научных исследований И. В. Гёте, который пришел к этим принципам с эмпирической позиции. Его эксперименты с цветом завершились созданием теории, изложенной в книге «К теории цвета»⁴ [16].

Теория цвета И. В. Гёте противостояла физической теории цветового спектра И. Ньютона. Полемику с И. Ньютоном, утверждавшим о предвзятости и субъективности человеческого зрения, И. В. Гёте пришел к убеждению, что человеческий глаз является безотказным инструментом, на который можно положиться. Немецкий философ боролся против зарождавшегося в то время объективизма, отдававшего предпочтение физическим измерениям, а не человеческому опыту. Он считал теорию И. Ньютона, которая предсказывала реакции механических измерений, не имеющие ничего общего с тем, как люди видят мир, крупной эпистемологической ошибкой. И. В. Гёте спорил с заявлением И. Ньютона о необходимости измерять видимый свет и цвет с помощью физических измерительных устройств так, будто человеческое восприятие не имеет ничего общего с цветами. И. В. Гёте же считал свет и цвет феноменами, порождаемыми человеческими органами восприятия. Как показывают современные исследования, интуиция немецкого философа относительно восприятия цвета оказалась верной.

Важной фигурой в развитии экологического сознания для К. Криппендорфа являлся немецкий биолог, философ Я. Иксюль, который еще в 1930-х гг. разработал экологическую теорию осмысленного построения мира животными и людьми [17]. Он рассматривал возможные миры животного как миры, ограниченные сенсорными и двигательными органами, которые имеются у этого животного. Согласно Я. Иксюлю мир, существующий на самом деле для животных и людей, создается, возникает, переживается как окружающий мир (*Umwelt*) и обретает смысл в результате чьих-то действий. Все живые существа координируют свои сенсорные и двигательные органы и развивают значимые связи между тем, что они делают, и тем, как эти действия влияют на их чувства. Летучие мыши и люди различаются не только своей чувствительностью (к сигналам радара в сравнении с видимым светом и др.) и доступными им действиями (например, полет и цепляние летучих мышей и бесчисленные действия, которые могут выполнять люди), но и богатством корреляций ощущений с действиями, влияющими на них. Человек может водить машину, потому что способен осмысленно связывать то, что видит, с тем, что делает или чего хочет достичь. Принципы Я. Иксюля применимы не только к видоспецифическим построениям мира, но и к внутривидовым различиям, а также к людям, которые отличаются культурой, языком, профессией, историей и желаниями, и, следовательно, по-разному осмысливают окружающую их среду, и рассматривают ее как разные миры.

В отличие от Я. Иксюля, который исследовал проблему отношения живых существ к окружающему миру, англо-американского универсального мыслителя Г. Бейтсона⁵ в большей мере занимал разрыв между технологией и человеческой способностью ориентироваться в мире, лежащими в основе различий между поведением, питаемым физическими причинами, и поведением, запускаемым информацией [18]. Ситуации, когда пинают камень и когда пытаются пнуть собаку, разнятся. Для живых существ значение (в терминах Г. Бейтсона – информация) не является ни сущностью, ни причинным агентом.

Следующий шаг экологической философии, который эксплицировал К. Криппендорф, – это изучение использования человеком технологических систем. Здесь важным является текст Дж. Дж. Гибсона, появившийся в 1979 г. Автор на основе экспериментов со зрительным восприятием разработал экологическую теорию восприятия [19]. Американский мыслитель осознавал необходимость языка,

⁴«К теории цвета» (*Zur Farbenlehre*) – книга И. В. Гёте о природе цвета и его восприятии человеком. Впервые она была опубликована на немецком языке в 1810 г. Английский перевод под названием *Theory of Colours* появился в 1840 г. Работа содержит подробные описания таких явлений, как цветные тени, преломление и хроматическая аберрация. Произведение И. В. Гёте до сих пор не утратило своей актуальности, а история воздействия этого текста на западную культуру является отдельной темой академических исследований.

⁵Г. Бейтсон – англо-американский антрополог, биолог, социолог, лингвист, кибернетик и философ. Его интересовали антропологические исследования, теория коммуникации и теория обучения, а также вопросы эпистемологии, натурфилософии, экологии и лингвистики. Г. Бейтсон рассматривал эти научные области не как отдельные дисциплины, а как различные аспекты реализации системно-кибернетического образа мышления.

ориентированного на человека, который не физикализировал бы человеческое восприятие, как этого требовал И. В. Гёте, и не психологизировал бы окружающий мир. Два концептуальных ключа к его теории – это сконструированные им понятия «аффорданс» (*affordance*) и «прямое восприятие» (*direct perception*).

Аффорданс – это возможность делать нечто с тем, что дано в ощущении; взаимная связь между наблюдающим актором и особенностями окружения. Дж. Дж. Гибсон описывал особенности человеческого мира как возможности, которые предоставляет человеку среда. Аффорданс характеризует не свойство предмета, позволяющее использовать его определенным образом, а то, что имеет значение для пользователя артефактов.

Касательно прямого восприятия (*direct perception*) Дж. Дж. Гибсон отметил, что возможности повседневных или знакомых функций в обычной среде понятны взрослому человеку напрямую, без усилий. Дети учатся видеть аффордансы, для большинства же взрослых подъем по лестнице, вождение автомобиля, написание письма, прием пищи являются рутинными и беспроблемными действиями. Восприятие и действие в этих случаях находятся в таком идеальном соответствии с окружающей средой, что нет необходимости размышлять о них или принимать осознанные решения об их совершении.

Концепция Дж. Дж. Гибсона важна для дизайнеров в силу своей человекоориентированности, а введенные им понятия постепенно входят в дискурс дизайна интерфейсов, в котором традиционно доминировали технологически центрированные концепции эргономики. Прямое восприятие – это то, что семантика продукта называет самоочевидным, интуитивно очевидным и естественным. Понятие «аффорданс» используется в таких областях, как психология восприятия, когнитивная психология, психология окружающей среды, промышленный дизайн, взаимодействие человека с компьютером (HCI), дизайн взаимодействия и дизайн пользовательского опыта (UI-дизайн и UX-дизайн соответственно), коммуникативные исследования, дидактический дизайн, междисциплинарные исследования науки, технологии и общества (STS), исследования искусственного интеллекта и дизайн, ориентированный на пользователя (UCD).

Символический интеракционизм

Еще в 1930-х гг. американский социальный теоретик Дж. Г. Мид разработал подход, называемый символическим интеракционизмом. Дж. Г. Мид исходил из того, что значение является центральным для поведения человека и обсуждается в социальном взаимодействии. Поскольку речь в данном случае идет о работе человеческого сознания, идеи Дж. Г. Мида приобретают и философское значение. Хотя американский теоретик и его ученики ничего не говорили о дизайне и мало рассуждали о лингвистических структурах, социальная природа значения – это то, что, по мнению К. Криппендорфа, семантика дизайна должна изучать более подробно.

В своих рассуждениях К. Криппендорф опирался преимущественно на работы последователя Дж. Г. Мида – американского социолога Г. Г. Блумера [21; 22].

Поскольку у Дж. Г. Мида и Г. Г. Блумера не было специального анализа языковых взаимодействий, а лингвистический смысл никогда не имел значения только для одного человека, К. Криппендорф считал необходимым дополнить теорию чикагской школы социологии лингвистической философией Л. И. Витгенштейна, настаивавшего на том, что значение слов лежит в истории их освоения как для отдельного человека, так и для всей культуры. Таким образом, значение всегда является социальным и представляет собой результат разговоров, сотрудничества и историй координации между людьми. То же относится и к артефактам. Все артефакты имеют историю взаимодействия с человеком, которая вплетена в социальную и культурную историю, всегда затрагивает опыт многих людей и связана с использованием лингвистических категорий. Кроме того, новые артефакты всегда возникают или развиваются на основе артефактов, существовавших ранее. Артефакты – это язык во взаимодействии.

Диалогическая философия

К. Криппендорф в рамках размежевания семантического поворота с граничащими с ним подходами подвергал критике семиотику, когнитивные науки, эргономику, эстетику, функционализм, маркетинг и текстуальный подход [1, р. 273–295]. Полемику с представителями когнитивистского подхода, он указывал на важное значение для разработки семантического подхода в дизайне таких мыслителей диалогического направления, как М. Бубер (его философия диалога, основанная на различении между отношениями *Я – Ты* и *Я – Оно* [22]) и М. М. Бахтин (его принципы диалогичности [23]).

Кроме этого, К. Криппендорф обращался к идеям специалиста по коммуникации и социальному конструированию Дж. Шоттера [24], которого он рассматривал как сторонника диалогической философии. Дж. Шоттер оспаривал традиционное научное представление о том, что существует скрытая

природа психологических и социологических реальностей, воспринимаемых в качестве естественных, которую можно открыть с помощью научной методологии. Он утверждал, что такие упорядоченные реальности, во-первых, социально сконструированы, во-вторых, поддерживаются в контексте беспорядочной повседневной разговорной деятельности. Междисциплинарный анализ Дж. Шоттера подчеркивает воображаемую, но являющуюся предметом дискуссий природу многих вещей и освещает процессы их конструирования. Он утверждал, что фундаментальная человеческая реальность – это постоянное участие людей в разговорах.

Естественно-научной базой диалогической философии, по К. Криппендорфу, может стать концепция Д. Бома, одного из самых значительных физиков XX в., разработавшего идеи диалога в рамках нейропсихологии и философии сознания [25].

По Д. Бому, старая картезианская модель реальности, т. е. представление о том, что есть два вида субстанции (ментальная и физическая), которые каким-то образом взаимодействуют, была ограниченной. Чтобы ее дополнить, он разработал математическую и физическую теорию имплицитного и явного порядка. Д. Бом утверждал, что мозг на клеточном уровне работает в соответствии с математическими законами некоторых квантовых эффектов, и постулировал, что мысль распределяется и не локализуется точно так же, как квантовые сущности.

На основании своей теории Д. Бом выдвинул систему предложений по решению социальных проблем, которые стали известны как диалог Бома. Существенным компонентом этой формы диалога является то, что участники приостанавливают немедленные действия или (и) суждения и дают самим себе и друг другу возможность осознать сам мыслительный процесс. Равный статус участников диалога и его свободное пространство являются наиболее важными предпосылками понимания убеждений другого. По Д. Бому, включение диалоговых групп в социальное пространство в достаточно широком масштабе может помочь преодолеть изоляцию и фрагментацию современного постиндустриального общества.

Заключение

Изучение философских оснований семантического поворота позволяет по-новому осмыслить его истоки, а также имеет дидактическое и пропедевтическое значение для теории современного дизайна. Оно способствует экспликации трансформаций, происходящих в современной теории дизайна, и формирует канон литературы для философской рефлексии по поводу семантического поворота.

Философские основания семантического поворота заданы аппликацией и адаптацией к теории дизайна достижений в области философии языка, конструктивистской философии, экологической философии, символического интеракционизма, диалогической философии.

Обращение философии к феномену языка систематически разрушает гносеологические основы новоевропейской концепции науки, на базе которой возникли современная технология и промышленный дизайн. Дизайнерский тезаурус полон универсалистских концептов. Переход же к человекоориентированному дизайну требует понимания того, что слова создают артефакты и меняют миры. Использование языка направляет внимание дизайнера на то, что он должен делать с формами, материалами, функциями. Радикальный конструктивизм дает дизайнеру возможность понимания человеческого познания как оперативно замкнутой системы, развивающей собственные внутренние корреляции. Существование артефактов имеет внешние причины. Однако концептуализируются и конструируются артефакты самим человеком. Экологическая философия предлагает дизайнеру иной путь к человекоцентрированности, делая акцент на заданности свойств артефактов человеческим восприятием. Человеческие существа координируют свои сенсорные и двигательные органы и развивают значимые связи между действиями и чувствами. При этом возможности взаимодействия с артефактами заданы не свойствами самих артефактов, а теми значениями, которые существуют у пользователей. Символический интеракционизм делает акцент на социальной природе значения. Артефакты вплетены в социальную и культурную историю и связаны с использованием языка. Диалогическая философия ориентирует новую теорию дизайна на рассмотрение воображаемой природы артефактов как конструируемой в процессе диалога и выявление значимости диалоговых процессов для преодоления изоляции дизайнера в постиндустриальном обществе.

References

1. Krippendorff K. *The semantic turn. A new foundation for design*. Boca Raton: Taylor&Francis; 2006. 368 p. Co-published by the CRC Press.
2. Gadamer H-G. *Hermeneutik 1: Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik gesammelte Werke. Band 1*. Tübingen: Mohr Siebeck; 1990. 495 S.
3. Rorty RM, editor. *The linguistic turn: recent essays in philosophical method*. Chicago: Chicago University Press; 1970. 407 p.

4. Lafont C. *The linguistic turn in hermeneutic philosophy*. Medina J, translator. Massachusetts: The MIT Press; 1999. 399 p.
5. Marx K. Thesen über Feuerbach. In: Bagaturija G, Ćurbanov L, Koroleva O, Vasina L, die Bearbeiter. *Karl Marx, Friedrich Engels Gesamtausgabe Abteilung IV. Band 3*. Berlin: Akademie Verlag; 1998. S. 19–21.
6. Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. Anscombe GEM, translator. Oxford: Blackwell; 1953. 232 p.
7. Whorf BL. *Language, thought and reality*. Carroll JB, editor. Massachusetts: The MIT Press; 1956. 278 p.
8. Austin JL. *How to do things with words*. Urmson JO, editor. London: Oxford University Press; 1962. 166 p.
9. Searle JR. *Speech acts: an essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press; 1969. 203 p.
10. Searle JR. *The construction of social reality*. New York: Free Press; 1995. 241 p.
11. Rorty RM. *Contingency, irony, and solidarity*. Cambridge: Cambridge University Press; 1989. 201 p.
12. Campbell L. *The theaetetus of Plato with a revised text and English notes*. Oxford: Oxford University Press; 1883. 423 p.
13. Vico G. *The first new science*. Pompa L, editor. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 366 p.
14. Maturana HR, Varela FJ. *The tree of knowledge; the biological roots of human understanding*. Paolucci R, translator. Boston: Shambhala; 1988. 231 p.
15. Glasersfeld E. *Radical constructivism. A way of knowing and learning*. London: Falmer Press; 1995. 213 p.
16. Goethe JW. *Theory of colours*. Eastlake CL, translator. Massachusetts: The MIT Press; 1970. 423 p.
17. Uexküll J. A stroll through the worlds of animals and men: a picture book of invisible worlds. In: Schiller CH, translator. *Instinctive behavior: the development of a modern concept*. New York: International University Press; 1957. p. 319–391.
18. Bateson G. *Steps to an ecology of mind: collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology*. New York: Ballantine; 1972. 535 p.
19. Gibson JJ. *The ecological approach to visual perception*. Boston: Houghton Mifflin; 1979. 332 p.
20. Blumer H. *Industrialisation as an agent of social change. A critical analysis*. London: Routledge; 1990. 195 p.
21. Blumer H. *Selected works of Herbert Blumer. A public philosophy for mass society*. Urbana: Illinois University Press; 2000. 400 p.
22. Buber M. *I and Thou*. New York: Scribner; 1958. 137 p.
23. Bakhtin MM. *The dialogical principle*. Godzich W, translator. Minnesota: Minnesota University Press; 1984. 132 p.
24. Shotter J. *Conversational realities: constructing life through language*. California: SAGE; 1993. 208 p.
25. Bohm D. *On dialogue*. London: Routledge; 1996. 144 p.

Статья поступила в редколлегию 06.07.2022.
Received by editorial board 06.07.2022.